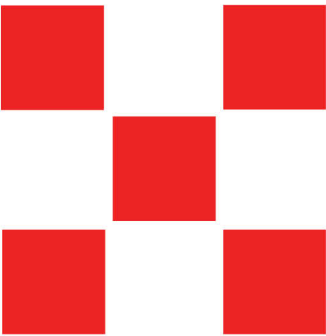

Исследования

18 апр. гокопар из Ленинграда 162р.
Тоше колготки 9р.50к.
Верхуи долг 10р.
Книжка, кафе, такси 5р.50к. } 53р.30к.
Посылка книг, кафе 3р.
Билет на самолёт 22р.30 } 18-20 апр.
Крем, паста, цветы - 3р. } ост. 104р. ; за-
тит проед 5руб.
20 апр. ≈ 20руб. обмывка гокопара
0.90 за сиюю тушь.
Осталось 83руб.

Исследования

Назирова, Фрейденберг и Голосовкер о мифе. Опыт позиционирующего сопоставления

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

В научном творчестве Р. Г. Назирова мифологическая тема занимает одно из ключевых мест. Она разрабатывается на протяжении 1980-х годов в ряде статей на условно фольклорную тематику (речь идёт о цикле работ, реконструирующих мифологические и этнографические истоки ряда известных сюжетов, реализовавшихся в фольклоре, а иногда и в литературном творчестве Нового времени¹) и, насколько можно судить, остается центральной до конца жизни ученого: в 2000-х Назиров публикует тексты², руководит диссертацией сходной направленности³, ведет в университете курсы о мифологии, истории религии и культуры.

В то же время, когда Назиров занимается фольклорно-мифологическими истоками сюжетности, в его работах мы не можем не заметить примечательный и в чем-то даже вызывающий стиль подачи научных идей, резко контрастирующий с официальной академической стилистикой, достигший апогея в книге 1990-х «Становление мифов и их историческая жизнь»⁴: «Недвижно-ледяной мир дрогнул и ожил» (с. 16), «Так что «рогатый бог» из пещеры Трёх Братьев — это никакой не бог, а родоплеменной предок» (с. 24), «В заключение экскурсии — загадка» (с. 45), «Потрясающе! Задолго до Маккиавелли и доктора Гиббелса Платон изобрёл Большую Ложь — обман как принцип государственной власти» (с. 75), «И никаких там не бывает природных катастроф, от засух спасают регулярные разливы Нила, и даже землетрясений не бывает в Египте» (с. 84), «Все напыживались сравняться с ним» (с. 85), «Правда, они могут устаревать и тогда выветриваются сами собой, без сопливых ниспровергателей из комсомола или «гитлерюгенда»» (с. 87) и т. д.

В какой-то мере эти метафоры, восклицания, речевые обороты, разговорный порядок слов объяснимы, если мы будем воспринимать «Становление мифов» не как научную монографию, а как научно-популярный труд, в котором многое из этого допустимо для удержа-

¹Орехов Б. В. Новонайденные статьи об истории сюжетов // Назировский архив. 2015. № 4. С. 17–20.

²Назирова Р. Г. Архаические образы смерти и фольклор // Фольклор народов России. Миф, фольклор, литература. Межвузовский научный сборник. Выпуск 24. Уфа, 2001. С. 135–141.

³Евтушенко Э. А. Мистический сюжет в творчестве Ф. М. Достоевского. Дисс. ... канд. филол. наук. 10.01.01. Башкирский государственный университет Уфа, 2002. 236 с.

⁴Назирова Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. Ссылка на страницу из этой книги здесь и далее указывается в тексте в скобках.

ния внимания читателя. Однако нельзя не заметить, что такого рода «вольности» Назиров допускает и в текстах, жанр которых невозможно трактовать двойным образом, например, в автореферате докторской: «Чернышевский в «Заметке о журналах» возразил Дудышкину, отрицая какое бы то ни было сходство между Печориным и героями Тургенева: «Это люди различных эпох, различных натур...» Он был совершенно прав»⁵. Эмоционально окрашенное утверждение снова выбивается из традиционного стилистического ряда.

Тут необходимо сказать, что научно-популярные труды носят всё же вторичный характер, и призваны излагать в свободной форме то, что уже было сформулировано в традиционном академическом виде, а «Становление мифов» развертывает перед читателем совершенно оригинальную концепцию истории мифологии, которая едва ли была предварительно опубликована в статьях «Генезис и пути развития мифологических сюжетов» (1995) и «Средневековое мифотворчество» (1997). Так что мы не можем утверждать, что сам автор воспринимал книгу как научно-популярную. Скорее, его концепция научного текста не предполагала жесткой границы между научным и научно-популярным дискурсом, поскольку, как свидетельствует архив, свою обширную фактографию Назиров черпал не из научных, а из научно-популярных источников советского времени.

Ранние литературоведческие работы Назирова не отличаются такой вольной стилистикой, и это подтверждает гипотезу, что эволюция способа подачи идеи в академических текстах произошла для ученого одновременно с плотной работой над фольклорно-мифологической проблематикой. Следовательно, мы можем попытаться найти образцы такой стилистики для Назирова именно в научных работах о мифологии и фольклоре. Если предельно упростить, то гипотеза будет выглядеть следующим образом: в процессе освоения мифологической темы Назиров столкнулся с такими текстами, которые показали ему, что научные сочинения можно писать радикально иначе: экспрессивно и свободно, игнорируя академическую сухость стиля.

Разумеется, такой подход к собственному стилю Назирову должен был быть близок всегда, поскольку, как мы знаем, литературоведом он стал в известной степени «по необходимости», долгое время сохраняя амбиции литератора¹. В свою бытность писателем (точнее: в те времена, когда он мыслил себя более писателем, чем кем-то другим) Назиров уделял повышенное внимание именно стилю создаваемых им текстов, жестко их рецензировал именно с позиций того, «как» надо писать². Писательский субстрат, разумеется, сильно повлиял на Назирова-ученого, мне уже приходилось указывать на конкретные тематические параллели между его художественным и научным творчеством³. Но в плане выражения назировские тексты из класса *fiction* и *non fiction*, по всей видимости, не связаны. Показательно

⁵ Назиров Р. Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул / автореф. дисс. ... докт. филол. н. Уфа, 1995. С. 10.

¹ Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2015. № 2. С. 75–116.

² Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова // Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. Уфа, 2011. С. 25.

³ Орехов Б. В. «Звезда и совесть» как учёная проза // Назировский архив. 2016. № 1. С. 184.

в этом смысле, что «неакадемично» Назиров начинает писать тогда, когда его писательские амбиции, по всей видимости, уже исчерпаны (как мне представляется, это происходит ещё в 1970-е годы⁴). Но художественное прошлое оставляет в его языковой личности главное — саму по себе чуткость к стилистическому оформлению текста. Так что в момент знакомства с образцами свободного научного стиля зерна упали на благодатную почву.

Концептуальной платформой и источником терминологического аппарата назировских рассуждений о мифе, как мне удалось показать¹, стали работы Е. М. Мелетинского. Этого ученого Назиров обильно цитирует и в своих текстах соответствующей тематики. Между тем, стилистика, которую я здесь проблематизирую, для Мелетинского характерна не была. Его тексты — образец добротного советского научного стиля без эскапад вроде разговорного порядка слов. Едва ли Мелетинский стал образцом для той формальной эволюции, которую мы наблюдаем у Назирова².

Между тем мы действительно можем обнаружить двух авторов, посвятивших свои работы той же мифологической тематике, и при этом отличавшихся нешаблонным резко индивидуализированным стилем. Речь идёт об О. М. Фрейденберг и Я. Э. Голосовкере.

Ольга Михайловна Фрейденберг (1850–1955) фигура в научном сообществе весьма противоречивая, и далеко не из-за стилистики собственных сочинений. Фрейденберг долгое время работала заведующей кафедрой классической филологии ЛГУ, её труды о мифологии основаны главным образом на материале античного фонда источников. При этом собственно филологи-классики оценивают работы Фрейденберг крайне скептически. Авторитетный специалист по античности А. И. Зайцев прямо говорит: «Совершенно справедливо С. С. Аверинцев характеризует О. М. как толковательницу, преимущественно толковательницу античности, применительно к каким-то культурным течениям своей эпохи. В ее трудах о доказательстве в собственном смысле слова нет и речи.

Сейчас приходится с сожалением говорить о ее направлении как о направлении, идущим в разрез с кумулятивным накоплением знаний. Я думаю, однако, что при критическом отношении внимательное чтение трудов О. М. может натолкнуть на полезные ассоциации, и в этом плане *disiecta membra* («отдельные куски»; из Горация) ее трудов могут иметь научное значение. Метод-не может»³.

⁴Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова. С. 28.

¹Орехов Б. В. Моделирование терминологического тезауруса работ Р. Г. Назирова о мифологии и истории фольклорных сюжетов // Назировский архив. 2015. № 2. С. 118–131.

²Назиров любопытно затрагивает одно из центральных для Мелетинского понятий — понятие архаической сказки, фактически формулируя на основе её рассмотрения жанрообразующие признаки современного комикса: «... дурное или ошибочное действие приводит к установлению блага, но тут же табуируется <...>. Мифическая сказка в принципе не имела конца. Все убитые в ней оживали, как воскресало из своих костей правильное съеденное тотемное животное» (с. 38). Жанрообразующий признак современного комикса, эксплицируемый даже наивным читателем, это навязчивое бессмертие персонажа. Дурные действия приводят к благу (убийство дяди Питера Паркера помогает Человеку-пауку осознать, что с большой силой приобретает и большая ответственность), но их нельзя повторять, а окончательная победа добра над злом невозможна. В одном случае такая форма продиктована социальными условиями первобытного бытования устных текстов, в другом — экономическими причинами.

³URL: <https://zelchenko.livejournal.com/58316.html>

Удивительным образом эти слова перекликаются с характеристикой, которую дал трудам Назирова С. Ю. Неклюдов: «На каждом шагу у меня возникает масса вопросов, я бы сказал, процедурного характера. Многие вещи я готов принять как инерционные: скажем, одно выводится из другого потому что так принято, мы к этому привыкли. Но ведь ждёшь чего-то другого. <...> Многого я не понимаю чисто методологически, не понимаю, как одно выводится из другого. <...> Происходит как бы непрерывное падение в какую-то семантическую бездну, когда непонятно, какой реальности принадлежит та или иная фаза реконструкции»⁴.

Таким образом, доказательность не является сильной стороной и работ Назирова. Риторически его утверждения сильны, но при этом стоящая за ними логика непрозрачна, что тоже превращает его из исследователя в толкователя (в смысле Зайцева-Аверинцева).

В этом плане примечательна еще одна параллель между работами Назирова и Фрейденберг. Последовательно знакомясь с прижизненными публикациями Назирова, невозможно не заметить, как с течением времени в них резко падает количество ссылок на источники. В позднейших статьях «Средневековое мифотворчество»¹ и «Фигура умолчания в русской литературе»² ссылки отсутствуют совсем (!) при том, что их наличие является для научной работы одним из базовых признаков, отличающих от дилетантских сочинений. Но тенденция к этому обозначилась гораздо раньше. Ещё в 1980-х годах Назиров получает отзыв на статью «Дитя в корзине», которую пытается опубликовать в журнале «Советская этнография». Анонимный рецензент прямо указывает: «Удивляет частое отсутствие ссылок на спец. литературу, что допустимо лишь в тех случаях, когда факт общеизвестен»³. К слову, второй рецензент невольно вторит С. Ю. Неклюдову: «Автору можно адресовать тот же упрек, который он адресует Проппу: «Он подавал свои гипотезы как бесспорные истины»»⁴.

Одновременно с этим к книге Фрейденберг, которую Назиров прямо цитирует в «Становлении мифов» (с. 38), предъявляются претензии аналогичного характера: «Оба эти труда резко отличаются от работ более раннего времени, содержащих материал, обосновывающий положения автора, полностью лишены ссылок на предшественников, так что затруднительно оказывается разграничение принадлежавшего самой Фрейденберг и ее предшественникам. Изложение ведется без привлечения фактов, на основании которых сделаны выводы, и похоже по стилю на тезисы»⁵. У публикатора Н. В. Брагинской находится объяснение такому построению текста Фрейденберг: книга состоит из двух монографий (ср. «оба эти труда»), одна из которых выдержана в жанре лекций и поэтому не требует ссылок, которые всё равно было бы невозможно воспроизвести в аудитории, а вторая по необходимости создана в стесненных условиях («потому я писала на память»).

⁴Интервью с С. Ю. Неклюдовым // Назировский архив. 2017. № 3. С. 81–82.

¹Назирова Р. Г. Средневековое мифотворчество // Фольклор народов России. Миф, фольклор, литература. Межвузовский научный сборник. Уфа, 1997. С. 65–74.

²Назирова Р. Г. Фигура умолчания в русской литературе // Поэтика русской и зарубежной литературы: Сборник статей. Уфа, 1998. С. 57–71.

³Назировский архив. 2016. № 4. С. 30.

⁴Там же. С. 29.

⁵Цит по: Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1998. С. 764.

Ученики Назирова также находят отсутствию ссылок в работах учителя объяснение, которое состоит в том, что статьи последних лет жизни носят итоговый характер (устное сообщение С. С. Шаулова). По всей видимости, следует считать, что за этим стоит имплицитное предложение мэтра обратиться за всеми ссылками к его более ранним произведениям. Но такая идея не выдерживает критики: совсем не все идеи и факты, требующие обоснования и указания источника, содержатся в публикациях, на которые Назиров ссылается в своих предыдущих работах.

У меня есть иное объяснение отсутствию ссылок в работах Назирова. Дело в том, что жанр научного сочинения требует ссылок на научные же работы. А в очень частых случаях Назиров черпал факты, которыми подкреплял свои идеи, не из собственно научных источников, а из их популярного изложения в газете или в доступном журнале. Вырезки из таких статей в обилии представлены в архивных материалах, содержащих множественные компиляции фактов по самым разным темам — от географии и культуры отдельной страны до значимого исторического периода или события. В то же время малодоступных научных работ в личной библиотеке Назирова было не так уж и много, и тематически они были довольно сильно ограничены его «официальными» научными интересами — историей русской литературы XIX века¹. Не находится массово в его бумагах и конспектов и выписок из специальных научных трудов. В условиях дефицита литературы в советском быту, тем более — при жизни в провинции, где этот дефицит ощущался особенно остро (и ощущается даже в текущих, гораздо более свободных обстоятельствах), такой способ познания был до известной степени неизбежностью. В то же время ссылка на популярный источник, по всей видимости, не смотрелась убедительно ни для самого Назирова, ни для его вероятных редакторов. Мне кажется весьма вероятным, что книга Фрейденберг легитимизировала для Назирова возможность не ссылаться на источник и тем самым не выдавать легковесные основания своей учености.

Могла ли книга Фрейденберг аналогичным образом легитимизировать свободный стиль изложения? Прямо скажем, что такое предположение не кажется невероятным. Но нужно подчеркнуть, что речь идет не о заимствовании стиля: мы мало найдем пересечений в конкретных речевых оборотах, которыми Фрейденберг и Назиров «подрывают» сухую стройность академического текста. Речь идет об образце, ориентируясь на который, автор достигает своей стилистической свободы, освобождается от рамок и шаблонов.

Так, из уже приведенных примеров назировской неакадемичности мы находим что-то отдаленно схожее только в употреблении Фрейденберг однокоренного с «потрясающе» слова в следующей фразе: «Это сказание о Нале представляет собой поистине потрясающее сходство с греческим романом и потому уже ввело в методологическое заблуждение некоторых ученых»². В остальном и Назиров, и Фрейденберг демонстрируют каждый своеобразный, но каждый резко отличающийся от официального научный стиль.

¹Более точно описать этот аспект затруднительно в следствие обстоятельств, изложенных мной в Орехов Б. В. Корпорация совести // Назировский архив. 2019. № 4. С. 108–114.

²Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 242.

Впрочем, для обоих авторов очень сходной представляется та сторона речевой манеры, которую можно охарактеризовать как «вещание», то есть тоже не вполне академичная, отмеченная выше С. Ю. Неклюдовым, А. И. Зайцевым, анонимным рецензентом журнала «Советская этнография» и др. речевая стратегия, предполагающая не логически выстроенное движение от утверждения к доказательству и выводу, а прямое изложение вывода без подкрепления его доказательствами и источниками. У Назирова и Фрейденберг часто опущена мотивировка постулируемого. Концепция высказывается как очевидная, таковой не являясь. Всё это представляет собой особый жанр, естественный для средневековых видений, но совсем не органичный для научной сферы.

Сравним два пассажа, повествующих о сходных культурно-исторических обстоятельствах: «Раннее земледелие, как известно, проходит под знаком первенства женщин; скотоводство продолжает оставаться в руках мужчин, и одомашненные животные становятся на место прежних тотемов. В этот период тотемистической, космогонической трапезой служит уже не дикий зверь, а мирное божество в виде домашней скотины, — в частности козел»¹.

«Животные мыслились подателями жизни, женщина — продолжательницей рода: из сочетания этих фундаментальных представлений возник сюжет о тотемном браке, т. е. миф о происхождении людей от брака животного с одинокой Праматерью. Конкретное животное мыслилось как тотем — предок и покровитель. Охотники палеолита осмыслили природу в терминах брака и родства» (с. 23).

В обоих случаях мы наблюдаем нечто более похожее на видение, чем на научную монографию; достаточно сравнить эти фрагменты даже не со средневековыми образцами жанра, а с самым известным — «Откровением» Иоанна Богослова. Это записи прозрений, которым научный аппарат и научная логика изложения, вероятно, только мешает. В свою очередь, структура текста, характерная для такого нарратива, мешает анализу, центральному микрожанру научного дискурса.

И такие «видения» у обоих авторов не исключения, а правило. Нельзя исключать, что и подобная манера изложения стала видаться Назирову «законной» после прочтения Фрейденберг.

Эти наблюдения подталкивают нас к модели, подразумевающей разделение гуманитариев на толкователей (визионеров) и тех, кто излагает свое видение в форме доказательных утверждений.

В известной работе, посвященной М. М. Бахтину, М. Л. Гаспаров предложил, как кажется, аналогичную классификацию, разделяющую ученых и творцов². К последним он и отнес Бахтина, показав, что историко-литературная модель последнего ни в коей мере не опирается на реальные исторические данные. Следует ли отнести к этому же классу Фрейденберг и Назирова?

¹ Там же. С. 156–157.

² Гаспаров М. Л. История литературы как творчество и исследование // Вестник гуманитарной науки. 2004. № 6. С. 94–99.

Мне представляется, что не вполне. Всё же Гаспаров говорит, о том, что Бахтину нет дела до самого античного материала (менипповой сатиры), он, по мнению специалиста по классической филологии, конструирует свою собственную реальность. Мениппова сатира нужна Бахтину как знак, ему важна ее репутация (благодаря ей появляется своего рода освященность древностью), но не как собственно источник концепции. Связь Фрейденберг с материалом теснее, она не только говорит об античных текстах и авторах, но и пытается создать для них непротиворечивую объяснительную модель. Филологов-классиков смущает язык Фрейденберг, не основанный на общепринятой логике и формате силлогизмов. Научный язык Фрейденберг в некотором смысле заменяет логику риторикой, что, однако, не смущает представителей смежных научных дисциплин: «в письме Куайна и др. по поводу Деррида, о котором Вы напомнили (спасибо!), есть фраза, идеально резюмирующая научную репутацию О. Ф.: «Мы хотим отметить, что если бы труды, к примеру, физика аналогичным образом ценились бы в первую очередь теми, кто работает в других дисциплинах, это само по себе явилось бы достаточным основанием подвергнуть сомнению пригодность данного физика в качестве подходящего кандидата на почетную степень»³.

Что касается содержательных переключек, то они очевидны. Назиров прямо ссылается на Фрейденберг, обозначая ее основное, по его мнению, преимущество перед остальными авторами, пишущими на схожие темы: «Дело в том, что за пределами мифологических свободв и эпоса осталась огромная, смутная периферия — мифология повседневного существования. Наука уделяет ей мало внимания (одно из исключений — работы О. М. Фрейденберг)» (с. 88). Чем архаичнее описываемое Назировым состояние общества и мифа, тем больше его зависимость от работ Фрейденберг. Вероятно, вслед за ее (и И. Г. Франк-Каменецкого) интересом к Э. Кассиреру появляется ссылка на этого философа в середине главы «Миф как наивный реализм» (с. 16)¹.

Вряд ли что-то добавят сущностного, но всё же не могут быть обойдены и биографические параллели. Фрейденберг и Назиров — два ярких ученых, сформировавшихся интеллектуально в трудное для гуманитария время. Оба проработали существенную часть жизни в университете и оба долгое время занимали должность заведующего кафедрой. Оба оставили после себя большой архив неопубликованных работ (во многом пересекающихся тематически), архив упорядоченный: известно, что Фрейденберг сознательно приводила свои бумаги в порядок после выхода на пенсию, есть свидетельства обработки архивных материалов и у Назирова².

В то же время нужно оговориться, что Фрейденберг, по всей видимости, не имела возможности публиковать свои работы³, а Назиров, скорее всего, не хотел этого делать. Вряд ли он осознавал видимые для нас сейчас параллели, но в любом случае Фрейденберг

³URL: <https://zelchenko.livejournal.com/58316.html>

¹Об освоении идей Кассирера Фрейденберг и Франк-Каменецким см. Perlina N. *Ol'ga Freidenberg's Works and Days*. Bloomington, 2002. P. 88–95.

²Шаулов С. С. О моральных проблемах издания эго-документов из архива Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2018. № 1. С. 206.

³Perlina N. *Ol'ga Freidenberg's Works and Days*. P. 5.

представлялась ему одним из научных единомышленников и предшественников, которые от которых можно воспринять не только идейную, но и стилистическую составляющую.

Яков Эммануилович Голосовкер (1890–1967) попал в сферу внимания Назирова гораздо раньше Фрейденберг, и поначалу не в связи с мифологией. В 1963 году выходит его книга «Достоевский и Кант». Назиров в этот момент учится в Москве в аспирантуре, тема его диссертации — творчество Достоевского, поэтому о новой книге, имеющей прямое отношение к его научным интересам, не узнать он не мог. Запись в дневнике Назирова гласит: «Прочёл книжку Голосовкера «Достоевский и Кант». Ярко, оригинально, спорно. Наделает шуму! Это уже хорошо!»¹. Книга попадает в библиографию его кандидатской диссертации².

Судьба других текстов Голосовкера в СССР сложилась неудачно³. Но во второй половине 1980-х годов выходит труд под названием «Логика мифа», на который Назиров ссылается в «Становлении мифов» сразу 4 раза (на «Миф и литературу древности» Фрейденберг только однажды). По нашему издательскому недосмотру в указателе к книге Назирова (с. 252) «Логика мифа» и «Логика античного мифа» даны как две разные работы, хотя речь идет об одном и том же фрагменте большого трактата под названием «Имагинативный абсолют». «Логика мифа» — это издательское заглавие, «Логика античного мифа» — авторское.

Голосовкер никогда не был системным ученым. Его наследие — это художественные произведения (в частности, заметный корпус переводов) и философская проза, которая, разумеется, не обязана отличаться стилистической строгостью. Насколько его стилистика подходит к мифологическому материалу повлияла на Назирова, определить трудно, еще и потому что ко второй половине 1980-х годов трансформация стилистики уфимского литературоведа уже шла. Но то, что видение мифа Голосовкером многократно перекликается с концепцией Назирова, должно быть очевидно любому внимательному читателю.

Одна из важнейших для Назирова идей в структуре его мифологической концепции — это преобразование природы в культуру. Основой мифологических представлений, как он постоянно подчеркивает, являются наблюдаемые первобытным человеком факты окружающей действительности. К этой же идее много раз обращается и Голосовкер в «Логике античного мифа», но наиболее емко формулирует это уже в недоступной Назирову полной версии своего труда «Имагинативный абсолют»: «Хотя в процессе истории природа и культура только разные ступени одного и того же существования, они приходят постоянно к столкновению, порождая трагические коллизии, ибо в основе логики одной лежит изменчивость, а в основе логики другой — постоянство»⁴.

Ср. у Назирова: «Первичный материал архаического мифа есть природа, а форма её осмысления — человеческое тело. Природа (Земля, Небо, гора) — это очень большой чело-

¹Цит. по Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова. С. 101.

²Назиров Р. Г. Социальная и эстетическая проблематика произведений Ф. М. Достоевского 1859–1866 годов. М., 1966. С. 464.

³Интервью с С. Ю. Неклюдовым. С. 86–87; Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют. М., 2012. С. 7–8.

⁴Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют. С. 37.

век. Антропоморфизация природы возникла из врождённого людям неразличения себя и не себя. Взяв палку, антроп удлинил свою руку» (с. 14). Если земля и небо — это природа, то миф — это уже сфера культуры. Так, отмечаемое Голосовкером, кризисное сосуществование этих двух начал получает пристальное внимание на протяжении всей книги Назирова.

Собственно, базовые для Голосовкера категории изменчивости и постоянства являются центральными и для работ Назирова конца 1970-х и 1980-х годов. Все работы об истории фольклорных сюжетов, а также докторская диссертация¹, посвященная истории избранных сюжетов Пушкина и Гоголя, по сути строятся как выявление изменчивых и постоянных элементов фабулы в исторической перспективе. То, о чем Голосовкер говорит в обобщенном смысле, Назиров рассматривает на конкретном филологическом материале.

Голосовкер, посвящая постоянству и изменчивости несколько параграфов «Имагинативного абсолюта», ужимает свое видение до схемы: «трояко проявляется в логическом плане закон «постоянства в изменчивости», сущий в природе:

- 1) как — закон тождества,
- 2) как — закон противоречия,
- 3) как — закон метаморфозы»².

Сходным образом, но более дробно и детально, рисует свою схему изменчивости фабул и Назиров: «Главными способами трансформации я считаю следующие: 1) замена места действия и исторической приуроченности; 2) переакцентировка, включая инверсию субъекта и объекта действия и замену развязки; 3) контаминация (последовательное сращение фабул или мотивов); 4) сочетание фабул путем включения одной в другую (инклюзия); 5) взаимоналожение или слияние фабул (фузия); 6) редукция (сокращение) фабулы; 7) амплификация (распространение, введение повторяющихся мотивов); 8) парафраза — свободное переложение фабулы или ее части; 9) цитация фабульных структур, так называемые quasi-цитаты; 10) криптопародия, то есть пародия без указания объекта и с неявным характером осмеяния»³.

Совокупность наследия Назирова уже не раз наталкивала на мысль о том, что человеческая культура была для него важнейшим и центральным объектом исследований⁴. И в этом он созвучен Голосовкеру: «Сегодня мы вправе сказать: человеку присущ инстинкт культуры. Инстинктивно в нем прежде всего стремление, побуд к культуре, к ее созданию. Этот инстинкт выработался в нем в высшую творческую духовную силу»⁵.

Таких переключек на идейном уровне мы можем заметить немало, и самое поразительное в этом, что большинство их придется признать невероятным совпадением: к моменту публикации «Логики мифа» Назиров уже во многом сам сформулировал и реализовал в исследовательской практике те идеи, которые могли бы быть почерпнуты им из книги

¹Назирова Р. Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе.

²Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют. С. 34.

³Назирова Р. Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. С. 3.

⁴Орехов Б. В., Шаулов С. С. Архив Р. Г. Назирова как система и модель мировой культуры // Вестник Башкирского университета. 2014. № 4. С. 1301–1305.

⁵Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют. С. 33.

Голосовкера как философская база. В исчерпывающей законченности эти идеи были опубликованы уже спустя восемь лет после смерти Назирова.

Кажется, что эти сходства были осознаны и самим Назировым, который в ряде случаев ставит в своей книге необязательные, как представляется, ссылки на книгу Голосовкера, совершая таким образом оммаж по отношению к предшественнику. В самом деле, так ли уж непоколебим приоритет Голосовкера в открытии того, что «доолимпийские боги были превращены новой религией в безобразных чудовищ, лишены бессмертия или низведены в ранг героев и обыкновенных смертных богатырей» (с. 61)? Кажется, что эта идея довольно очевидная, и если уж у Голосовкера есть оригинальные мысли в отношении античной мифологии, то понижение ранга архаичных божеств не в их числе. Но это одна из четырех ссылок на Голосовкера в «Становлении мифов». Не слишком обязательная по форме, но необходимая — как дань уважения — по сути.

Если же вернуться к сфере риторики, то нельзя не отметить ещё одной важной особенности, объединяющей работы Назирова и Голосовкера. Оба автора, пишущие о глубокой архаике, заморожены теми явлениями, которые можно проследить из прошлого до глубокой современности: «Подумаем — существует ли аналогия между понятием энергетической массы современной микрофизики и тем понятием массы мира чудесного античной мифологии, к которому относятся, например, образы бесплотных невесомых тел — теней Аида»¹. «Более того: я разделяю положение, что та же разумная творческая сила — а имя ей Воображение, Имагинация, — которая создавала миф, действует в нас и по сей час...»² Эти фразы были и в «Логике мифа» 1987 года. Ср. у Назирова: «... этот вход — модель тотема-пожирателя и метафора смерти по сей день (на её мифологичности зиждется успех американского кинофильма Челюсти)» (с. 28), «И по сей день патриархи ревнуют своих дочерей, порой даже препятствуют их замужеству» (с. 67) и т.д. В его текстах заметна и настойчивая апелляция к современному научному знанию, также рифмующаяся с риторикой Голосовкера: «Современная биология признаёт, что ни каннибализм, ни инцест не являются биологически опасными» (с. 21), «Современная этология называет ритуалами сложные поведенческие комплексы животных» (с. 30).

Таких обращений к актуальной современности в книгах Фрейденаберг не найти. Она может говорить о современных представлениях вообще, а не о конкретных науках, как это делают Назиров и Голосовкер: «Между едой за домашним столом и церковной литургией нет разницы бытового или религиозного содержания в нашем, современном смысле»³, «излагать научную работу об этом сознании приходится в наших современных понятийных терминах»⁴.

Таким образом, именно Мелетинский, Фрейденаберг и Голосовкер стали для Назирова последних десятилетий научного творчества главными фигурами, задавшими стиль, аппа-

¹Голосовкер Я. Э. Имагинативный абсолют. С. 176.

²Там же. С. 110.

³Фрейденаберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. С. 55.

⁴Там же. С. 65.

рат и концептуальные рамки его исследований. Мне представляется, что именно Фрейдберг дала Назирову образец стиля, свободного от рамок академического литературоведения, у Мелетинского Назиров заимствовал терминологический тезаурус, а философская основа во многом оказалась созвучна (но не целиком заимствована) философии Голосовкера.

